
Зарубежная литература

УДК 821.111

DOI: 10.31249/lit/2025.04.13

ТЕРНОПОЛ Т.В.¹ TILL DEATH US DO PART²: ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ И МУЖЬЯ-ТИРАНЫ В КРИМИНАЛЬНЫХ РОМАНАХ А. КРИСТИ 1930-х годов ©

Аннотация. В статье рассматриваются криминальные романы А. Кристи 1930-х годов («Убийство в доме викария», 1930, «Смерть лорда Эдвера», 1933, и «Убийство в Месопотамии», 1936), в которых сюжет строится вокруг домашнего насилия мужа в отношении жены. Автор исследования доказывает, что данный сюжет опирается на опыт супружеской жизни писательницы с первым мужем, Арчибальдом Кристи, проявлявшим психологическое и экономическое насилие в отношении жены по причине нарциссического склада личности, особенностей викторианской мужской гендерной социализации и посттравматического стрессового расстройства в результате участия в Первой мировой войне. В статье отмечается, что мужья-тираны в криминальных романах А. Кристи – это люди среднего возраста (40–50 лет), социально успешные, не имеющих выраженных зависимостей, экономических и бытовых проблем, придерживающиеся традиционных гендерных ролей, уверенные в полном контроле над жертвой, демонстрирующие признаки психопатии. Ответственность за совершение насилия в анализируемых криминальных романах полностью возлагается на мужей-тиранов, осуществляющих его в течение всей семейной жизни, несмотря на общественное осуждение. Автор ста-

¹ Тернопол Татьяна Вячеславовна – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО ЯГМУ (Ярославский государственный медицинский университет); ORCID: 0000-0002-8798-1723; ternopoldp@mail.ru

© Тернопол Т.В., 2025

² Пока смерть не разлучит нас – цитата из венчального обряда англиканской церкви, широко используется в названиях англоязычных кинофильмов, литературных и музыкальных произведений о любви и нерушимости брачных уз.

ть отмечает, что изображение домашнего насилия в произведениях А. Кристи проходит некоторую эволюцию: с каждым следующим романом писательница более подробно описывает личность мужа-тирана, отмечает разнообразие видов насилия, осуществляемого одним человеком, растущее восприятие подобного поведения как повода для расторжения брака, но также и отсутствие поддержки жертв насилия как со стороны окружающих, так и социальных институтов.

Ключевые слова: домашнее насилие в художественной литературе; образ мужа-тирана; жизнь и творчество А. Кристи; английские криминальные романы 1930-х годов; система образов криминальной литературы.

Для цитирования: Тернополь Т.В. Till death us do part : домашнее насилие и мужа-тираны в криминальных романах А. Кристи 1930-х годов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 210–233. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.13

Поступила: 17.06.2025

Принята к печати: 31.07.2025

TERNOPOL T.V.¹ Till death us do part: domestic violence and tyrannical husbands in A. Christie's crime novels of the 1930s[©]

Abstract. The article examines the crime novels of A. Christie of the 1930s (*The Murder at the Vicarage*, 1930; *The Death of Lord Edgware*, 1933, and *Murder in Mesopotamia*, 1936), in which the plot touches upon the husband's domestic violence against his wife. The author of the study proves that this plot is based on the writer's marriage to Archibald Christie, who used psychological and economic violence against his wife due to his narcissistic personality, the peculiarities of Victorian male gender socialization and post-traumatic stress disorder as a result of participation in the First World War. The article notes that tyrant husbands in A. Christie's crime novels are middle-aged men (40–50 years old), socially successful, without addictions, economic and domestic problems, adhering to traditional gender roles, confident in complete control over the victim, demonstrating signs of psychopathy. According to the author, A. Christie places responsibility

¹ **Ternopol Tatiana Vyacheslavovna** – Candidate in Cultural Anthropology, associate professor at the Department of Foreign Languages, Yaroslavl State Medical University; ORCID: 0000-0002-8798-1723; ternopoldp@mail.ru

[©]Ternopol T.V., 2025

for committing violence on tyrant husbands, who carry it out throughout their family life, despite public condemnation. The author of the article notes that the depiction of domestic violence in A. Christie's works undergoes some evolution: with each subsequent novel, the writer describes the personality of the tyrant husband in more detail, notes the variety of types of violence carried out by one person, the growing perception of such behavior as a reason for divorce, but also the lack of support for victims of violence from both people and social institutions.

Keywords: domestic violence in fiction; image of a tyrant husband; life and work of A. Christie; English crime novels of the 1930s; the system of images of crime literature.

To cite this article: Ternopol, Tatiana V. "Till death us do part: domestic violence and tyrannical husbands in a. Christie's crime novels of the 1930s", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 4, 2025, pp. 210–233. DOI: 10.31249/lit/2025.04.13 (In Russian)

Received: 17.06.2025

Accepted: 31.07.2025

Тридцатые годы XX века – период расцвета таланта А. Кристи, когда один за другим выходят в свет ее самые известные романы: «Убийство в Восточном экспрессе» (1934), «Убийства по алфавиту» (1936), «Смерть на Ниле» (1937) и, наконец, «Десять негрятят» (1939). Творчество (и финансовая независимость, которой оно способствовало) помогло писательнице преодолеть череду личных трагедий: смерть матери, измену первого мужа, Арчибальда Кристи, чью фамилию она прославила, нервный срыв и побег из дома, привлечшие внимание прессы не меньше, чем завершивший все эти семейные несчастья мучительный развод. Душевное равновесие А. Кристи помог также обрести ее второй брак с молодым археологом Максом Маллоуэном, заключенный в 1930 году. Первые годы этого долгого и счастливого союза вдохновили ее на новые творческие эксперименты в криминальном жанре, а установившаяся профессиональная репутация способствовала обретению творческой индивидуальности, в том числе через обращение к собственному жизненному опыту. В этот период в детективах А. Кристи появляются элементы автобиографизма: ее путешествия по Востоку нашли отражения в «Убийстве в Восточном экспрессе», «Смерти на Ниле», «Свидании со смертью»; археологические раскопки, в которых она участвовала, – в «Убийстве в доме викария» и «Убийстве в Месопотамии». Предметом художественной рефлексии ста-

новится и ее первый брак: в романе «Незаконченный портрет» (1934), изданном под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, она впервые решает рассказать свою собственную историю (детские воспоминания, отношения с первым мужем, некоторые обстоятельства развода). Однако попытки сублимации и осмысления собственного брака в творчестве начались у писательницы раньше: уже в 1930 г. в романе «Убийство в доме викария» А. Кристи обращается к теме несчастного брака, домашнего насилия и выводит среди персонажей мужа-тирана. Затем она возвращается к этой проблеме в «Смерти лорда Эдвера» (1933) и «Убийстве в Месопотамии» (1936).

Изучением гендерных ролей и репрезентацией мужских и женских образов в литературе занимается феминистская и гендерная критика, которая сосредоточивается в основном на женских образах в произведениях А. Кристи. См., например: [Vipond, 1981; Makinen, 2006; Prideaux, 2022], в то время как проблема психологического насилия в ее творчестве рассматривается на примере романов, написанных под псевдонимом М. Уэстмакотт [Whitney, 2011]. Литературоведов и критиков прежде всего привлекает образ мисс Марпл, которую Д. Придо сравнивает с образами мужчин – профессиональных сыщиков. Исследовательница выделяет группу образов, обозначенную как *breathless men*¹, – полицейские (например, констебль Мелчетт и инспектор Слак из «Убийства в доме викария»), действующие в цикле произведений о мисс Марпл и объединенные общим мотивом благоговения перед талантом этой пожилой леди. По мнению Д. Придо, «Мужская власть, рассуждения и области компетенции мужчин рассматриваются как объекты осмеяния, а мужчины, являющиеся представителями закона, часто изображаются как комические фигуры» [Prideaux, 2022, p. 143], и таким образом подчеркивается второстепенность и комичность мужских персонажей, выгодно оттеняющих образ мисс Марпл. Гендерные особенности действующих лиц в книгах А. Кристи анализируются прежде всего на примере образов детективов, и данный тип персонажа является наиболее востребованным для изучения [см.: Maida, Spornick, 1982; Makinen, 2006; Devereux, 2012, Гвоздева, 2009; Кириленко, 2020], в то время как образам других обязательных для криминальной литературы персонажей по классификации Дж. Кавелти [Cawelti, 1976, p. 91]: жертвам,

¹ Буквально – «затаившие дыхание мужчины». Вводя данный термин, Д. Придо опирается на постоянный мотив «You take my breath away» – реплика, которой профессиональные сыщики выражают свое восхищение мисс Марпл.

преступникам и второстепенным героям, – уделяется гораздо меньше внимания. С точки зрения феминистской и гендерного подхода рассматриваются исключительно женские образы в криминальном творчестве А. Кристи, как правило – образы преступниц [см.: Krouse, Peters, 1975, p. 98–104; Makinen, 2006, p. 149–157]. Наше исследование вносит вклад в устранение этого гендерного дисбаланса и посвящено мужским образам (тип мужа-тирана), выступающим в роли жертвы (романы «Убийство в доме викария» и «Смерть лорда Эдвера») и преступника («Убийства в Месопотамии») в криминальных романах А. Кристи 1930-х годов, а также проблеме домашнего насилия в отношении жен в этих произведениях в контексте биографического и гендерно-культурологического подходов.

Проблема домашнего насилия и личности тирана в современной психологии и социологии

Исторические факты, а также религиозные и художественные тексты, затрагивающие тему семейных отношений, созданные в рамках разных культур, свидетельствуют о том, что домашнее насилие сопровождает семейные отношения с момента формирования семьи как социального института, однако долгое время это явление нормализовывалось и не считалось проблемой. Первые попытки осмыслить домашнее насилие и предложить эффективные способы борьбы с этим явлением и реабилитации жертв начались только в конце 1960-х годов в США [Мэкс, 2003, с. 4].

Согласно определению Национальной ассоциации социальных работников США, «домашнее насилие – это эмоциональное, физическое или сексуальное насилие, совершаемое сознательно или несознательно в отношении членов семьи» [цит. по: Бобрышов, Иванкина, 2017, с. 109]. Существует также общепринятая классификация домашнего насилия, выделяющая такие его виды (или типы), как физическое, сексуальное, экономическое и психологическое. См., напр.: [Ерусланова, Милюхин, 2010, с. 43–45; Домашнее насилие ... , 2013, с. 7–8; Лемиш, 2024, с. 106].

Современные исследователи предлагают различные подходы к объяснению причин домашнего насилия. В рамках социокультурного подхода домашнее насилие является производным от общего уровня насилия в обществе и приемлемости насилия в отношении женщин в данной культуре [Ерусланова, Милюхин, 2010, с. 47]. С точки зрения теории семейных систем, предложенной

В. Сатир, основоположницы семейного консультирования и автора концепции нормативных семейных кризисов, насилие интерпретируется как следствие ошибки, допущенной при формировании внутрисемейного пространства и приводящей к возникновению конфликтов [Satir, 1972]. Согласно взглядам сторонников индивидуального психотерапевтического консультирования, домашнее насилие объясняется через последствия психотравм, пережитых совершающим насилие в детстве и проявляющихся в виде посттравматического стрессового расстройства, депрессии, низкой самооценки и нарциссизма. В настоящее время наиболее релевантными признаются первый и третий подход, то есть объяснение формирования тиранической личности через «культурные установки общества и опыт насилия, перенесенного в детстве» [Домашнее насилие ... , 2013, с. 11].

Современные психологи определяют тип личности домашнего тирана, «автора насилия» как нарциссический, то есть испытывающий гипертрофированную потребность во внимании и признании со стороны партнера для преодоления подавляемого ощущения собственной ничтожности. Этот тип отличается собственническими установками, ревностью, импульсивностью и неустойчивостью, склонностью к неуправляемым вспышкам гнева. Вопреки стереотипам о том, что тиранические наклонности можно легко распознать, исследования показывают, что домашние тираны «способны контролировать свое поведение и понимают, когда можно дать волю своей агрессии, а когда это недопустимо. Например, они контролируют себя на работе и в других общественных местах, ведут себя как любящие отцы и мужья среди соседей и коллег» [Домашнее насилие ... , 2013, с. 10].

Следует отметить, что в центре внимания современной социологии и психологии находится уровень распространенности различных видов домашнего насилия в обществе, а также уровень толерантности к нему среди разных возрастных и социальных групп, наряду с изучением особенностей личности жертв насилия и разработке эффективных методов их реабилитации. В то же время личности домашнего тирана и работе по предупреждению домашнего насилия, как и сто лет назад, уделяется сравнительно меньше внимания.

**Домашнее насилие как личный опыт А. Кристи:
супружеская жизнь с Арчибальдом Кристи**

За почти пять десятилетий, прошедших после смерти А. Кристи, вышло множество книг и статей, посвященных ее жизни и творчеству, самые известные среди них: Дж. Морган «Жизнь дамы Агаты» (1984, русский перевод – 1999), Дж. Кейд «Агата Кристи. 11 дней отсутствия» (1998, русский перевод – 2012), Л. Томпсон «Агата Кристи: английская тайна» (2007, русский перевод – 2010). В XXI в. отечественные поклонники творчества А. Кристи смогли познакомиться и с первыми русскоязычными биографиями писательницы: Е. Чимбаевой «Агата Кристи» (2013) и А. Ливерганта «Агата Кристи: свидетель обвинения» (2022). Все эти тексты в большей или меньшей степени опираются на «Автобиографию» А. Кристи, над которой писательница работала в 1950–1960-е годы. Согласно последней воле автора, мемуары были опубликованы посмертно в 1977 году и разочаровали первых читателей отсутствием ответа на главный вопрос, занимавший всех поклонников ее произведений: писательница так и не рассказала о том, почему она сбежала из дома осенью 1926 г. и одиннадцать дней жила под чужим именем.

Довольно много умолчаний было и в описании ее отношений с первым мужем, скончавшимся в 1962 году, до завершения работы над «Автобиографией». Даже спустя десятилетия после развода А. Кристи то ли не понимала, то ли не была готова признать то, что ее первый муж был домашним тираном, хотя эта особенность его личности отчетливо проявляется в описываемых ею сценах их совместной жизни. В то же время близкие писательницы не заблуждались касательно характера Арчибальда Кристи: мать писательницы Кларисса Миллер, скончавшаяся до развода дочери, о зяте «всегда говорила, что он по натуре человек жестокий» [Кристи, 2003, с. 429].

Не критикуя мужа открыто и даже пытаясь его оправдывать, А. Кристи не могла скрыть эпизоды домашнего насилия в их браке: первый кризис супруги Кристи пережили в 1923 г. после возвращения из кругосветного путешествия, в рамках подготовки Всебританской имперской выставки. Арчибальд Кристи выполнял функции финансового консультанта руководителя экспедиции, А. Кристи сопровождала мужа, оставившего ради этого опыта работу в Сити. По возвращении Арчибальд Кристи далеко не сразу смог найти новую работу и переносил статус безработного с тру-

дом: «Но это было мучительное время, главным образом потому, что Арчи чувствовал себя несчастным, а Арчи из тех, кто терпеть не может чувствовать себя несчастным. Он сам это признавал. Как-то еще в начале нашей семейной жизни он предупредил меня: “Имей в виду, если что-то не так, я становлюсь невыносимым. От меня мало толку, если кто-то болен, я не люблю больных и не выношу несчастных и расстроенных людей рядом с собой”» [Кристи, 2003, с. 376].

А. Кристи, воспитанная в викторианских традициях, всячески старалась поддержать супруга, который вымещал на ней неудачи и плохое настроение: «Я покорно сносила его теперешнюю постоянную раздражительность, нежелание разговаривать и страшную подавленность. Если я старалась казаться веселой, он ворчал, что я не способна осознать серьезность нашего положения; если печалилась – он говорил: “Нечего ходить с кислым видом. Ты знала, на что идешь!” Словом, что бы я ни делала, все было не так» [Кристи, 2003, с. 377].

Экономический кризис, в котором находились супруги Кристи, разрешился довольно быстро: Арчи нашел работу, денежные затруднения исчезли, ненормативный семейный кризис¹ был преодолен. Однако два следующих, наложившихся друг на друга ненормативных кризиса (смерть матери А. Кристи, с которой она была очень близка, и измена мужа), привели к разводу. Арчибальд даже не пытался поддержать супругу, предпочитая отстраненную позицию. Несмотря на то что для А. Кристи такая реакция не была неожиданна, она тяжело переживала отсутствие поддержки со стороны мужа: «Я всегда знала, что Арчи испытывает отвращение к болезням, смерти и вообще к каким бы то ни было неприятностям. Такие люди вынуждены мириться с подобными вещами, но едва ли обращают на них внимание, пока беда не коснулась их лично. Помню, он вошел в комнату, явно не зная, как себя вести, отчего выражение лица у него было неуместно веселым, он как бы говорил своим видом: “Привет, вот и я. Ну-ну, не надо грустить”. Когда теряешь одного из самых дорогих тебе людей, такое равнодушье больно ранит» [Кристи, 2003, с. 422].

Кульминацией кризиса стало требование развода с целью жениться на другой женщине. То немногое, что А. Кристи сочла нужным сообщить своим читателям об этих событиях, демонстри-

¹ О ненормативных семейных кризисах, вызванных внешними обстоятельствами, см.: [Hill, 1949].

рует, что и этот сложный период сопровождался эпизодами психологического насилия со стороны Арчибальда: «Он почти не разговаривал со мной и едва отвечал, когда я к нему обращалась. <...> Укоры совести, однако, заставляли его вести себя довольно безжалостно» [Кристи, 2003, с. 429]. Попытки жены вызывать к его отцовским чувствам, давление родственников не имели никакого эффекта: спустя полтора года после признания Арчибальда в измене супруги Кристи развелись.

Анализ «Автобиографии» заставляет предположить, что тирания Арчибальда проявлялась и вне ненормативных семейных кризисов. Довольно сложными для супругов были и нормативные кризисы¹, в частности, рождение их единственной дочери Розалинды. Арчибальд, тридцатилетний ветеран Первой мировой войны, ставший отцом на пятом году брака, оказался психологически не готов к отцовству. А. Кристи вспоминает о следующих высказываниях мужа во время ее беременности: «Мне не нужен мальчишка, – говорил он, – потому что я буду ревновать, ревновать тебя к нему, потому что ты будешь уделять ему много внимания» [Кристи, 2003, с. 321]. «Перед рождением Розалинды Арчи опасался, что на него все перестанут обращать внимание. “Вот почему я хотел, чтобы родилась девочка, – говорил он. – С мальчиком мне было бы труднее смириться. Дочь я еще готов был терпеть, а сына, боюсь, нет”» [Кристи, 2003, с. 417]. Нарциссические опасения Арчибальда Кристи не подтвердились: ребенок не занял его место в сердце жены, а для ухода за Розалиндой у супругов была няня. Со временем отцовство даже стало доставлять ему удовольствие: по мнению А. Кристи, «Арчи был помешан на Розалинде. Он обожал играть с ней, а она даже чистила его клюшки для гольфа. Они понимали друг друга с полуслова. У них было одинаковое чувство юмора и сходное отношение ко многим вещам» [Кристи, 2003, с. 417]. Больше детей Арчибальд иметь категорически не хотел: несмотря на желание жены, особенно резко он возражал против рождения сына, видя в нем не столько наследника, сколько конкурента.

Проявлением тирании Арчибальда можно считать и попытки социальной изоляции А. Кристи, которая в соответствии с представлениями своего социального класса проводила время дома (работая над книгами, занимаясь домашним хозяйством или забо-

¹ Теория нормативных семейных кризисов была сформулирована американским психотерапевтом В. Сатир, см.: [Satir, 1972].

тась о дочери), в то время как ее муж ежедневно отправлялся в Сити, а по выходным играл в гольф: «Его только что приняли в Саннингдейлский гольф-клуб, и нашим воскресным поездкам и пешим прогулкам пришел конец. Ни о чем, кроме гольфа, он больше не помышлял» [Кристи, 2003, с. 389]. Писательница вспоминала, что ей не хватало общения: «Мне часто хотелось пригласить гостей, кого-нибудь из лондонских друзей. Арчи был против, так как это могло испортить его отдых. Если бы у нас кто-то гостил, ему пришлось бы больше времени проводить дома и пропускать партию в гольф» [Кристи, 2003, с. 409]. Однако как типичная жертва домашнего насилия она не пыталась что-то менять и подвергать сомнению установившийся в ее семье порядок.

Даже растущее благосостояние супругов, в котором заработок жены играл всю большую роль, не меняло ситуацию: напротив, к психологическому насилию присоединилось экономическое: А. Кристи не распоряжалась самостоятельно заработанными деньгами, решения принимал супруг. Показателен разговор о пятистах фунтах, полученных в качестве гонорара за роман «Человек в коричневом костюме», который передает А. Кристи: муж настойчиво предлагает купить автомобиль, а жена опасается, что деньги будут положены в банк, несмотря на ее мечты о новой одежде для себя и велосипеде для дочери. И хотя впоследствии автомобиль станет страстью А. Кристи, очевидно, что покупка машины, а затем и второй, класса люкс (показательно, что на этот раз супруги делали выбор между еще одним средством передвижения и рождением второго ребенка) нужна была, прежде всего, Арчибальду Кристи. В двадцатые годы собственный автомобиль воспринимался как статусная покупка, свидетельствующая о достижении определенного жизненного успеха, к которому так стремился Арчибальд. Он не мог не понимать, что путь к этому успеху открылся, в том числе, благодаря таланту его супруги, и это парадоксальным образом меняло его отношение к произведениям жены. В самом начале их брака он относился к литературным опытам супруги весьма благосклонно: А. Кристи так передавала первые впечатления мужа о «Загадочном происшествии в Стайлзе»: «Арчи очень понравился роман; у меня прекрасно получилось, уверял он» [Кристи, 2003, с. 314]. С течением времени он стал рассматривать хобби жены как легкий способ решить финансовые проблемы:

– В таком случае, почему бы тебе не попытаться что-нибудь сделать? – сказал Арчи.

– Что же такого я могу сделать?

– Ну, например, написать еще одну книгу.

Я посмотрела на него с удивлением.

– Допустим, я могла бы написать еще одну книгу в ближайшем будущем, но от этого Эшфилду будет мало проку.

– Ты могла бы заработать кучу денег, – сказал Арчи [Кристи, 2003, с. 339].

Однако популярность жены, растущая вместе с ее гонорами, пополнявшими семейный бюджет, лишала Арчибальда контроля над супругой. Неизвестно, насколько он осознавал назревающий семейный кризис, но, несомненно, пытался сохранить свой статус, в том числе используя газлайтинг¹ и манипулируя неуверенной в себе и полностью доверившей его оценкам женой:

Иногда хотелось посоветоваться с ним по поводу замысла нового рассказа или отдельных линий развития сюжета. Когда, запинаясь, я начинала рассказывать, мне самой все казалось в высшей степени банальным, неинтересным – можно найти и другие определения, но не будем уточнять. Арчи слушал очень доброжелательно – если уж он удостаивал кого-то вниманием, то и слушал внимательно. Наконец я робко спрашивала:

– Ну как? что ты думаешь, может это быть интересно?

– Ну вообще-то может, – отвечал он в своей обескураживающей манере. – Я не вижу здесь, правда, рассказа как такового. И потом, это не такой уж захватывающий сюжет, не думаешь?

– Наверное, ты прав. Ну и что же теперь делать?

– Не сомневаюсь, что ты можешь придумать что-нибудь лучше.

Сюжет тут же умирал, сраженный наповал. Иногда я, правда, воскрешала его, вернее, он сам восставал из пепла лет через пять-шесть и, не подвергнутый предварительной критической обработке, расцветал весьма недурно, превращаясь порой в одну из моих любимых книг [Кристи, 2003, с. 405–406].

В семье супругов Кристи, чей брак казался окружающим вполне счастливым, постепенно назревал кризис, связанный не только с многолетним психологическим и экономическим насилием, объяснявшимся как особенностями личности Арчибальда Кристи (эгоистичность, нарциссизм), так и растущей известностью жены как автора детективов, имевшей вполне конкретное финансовое выражение. Отметим, что тиранический склад личности су-

¹ О газлайтинге как методе, которым домашние тираны манипулируют близкими, см.: [Stern, 2007].

пруга не вызывал беспокойство писательницы: она расценивала его поведение как лежащее в рамках нормы и даже пыталась оправдать его поступки, а ее ближайшие родственницы (прежде всего, мать) поддерживали этот статус-кво, считая, что «женщина обязана быть подле мужа везде; если ее нет рядом, у него возникает ощущение, что он в праве забыть ее <...> А с таким мужчиной, как Арчи, нужно быть особенно осмотрительной» [Кристи, 2003, с. 349].

Первый брак Агаты Кристи и личность Арчибалда Кристи: интерпретации биографов писательницы

Многочисленные биографы А. Кристи, написавшие свои произведения в опоре на «Автобиографию», были склонны если не нормализовывать описанные в ней эпизоды насилия, то оправдывать их, например, посттравматическим стрессовым расстройством Арчибалда, участника Первой мировой войны. По мнению Дж. Морган, «война <...> украла его беспечную юность, до срока сделав Арчи серьезным и степенным. Ему пришлось слишком быстро стать взрослым» [Морган, 2002, с. 85]¹. Однако Дж. Морган вынуждена была признать, что «Арчи по характеру был беспечным и не слишком чутким» [Морган, 2002, с. 129], а также «легко поддавался тревоге и беспокойству» [Морган, 2002, с. 85]. При этом, комментируя обстоятельства развода супругов Кристи, биограф воздерживалась от резкой критики, позволяя лишь отметить, что «Арчи вел себя опрометчиво – слишком импульсивно и безрассудно. Но он вовсе не был ни порочным злодеем, ни волокитой, ни каким-то *особенно извращенно жестоким по отношению к своей жене*» (курсив мой. – Т. Т.) [Морган, 2002, с. 160–161]. Поскольку книга Дж. Морган была основана в том числе и на эгодокументах из семейных архивов ближайших родственников А. Кристи и официально одобрена ими, биографу приходилось быть максимально осторожной в оценках личной жизни своей героини.

Дж. Кейд, автор книги «Агата Кристи. 11 дней отсутствия», одним из источников которой стали воспоминания близких друзей и дальних родственников писательницы, высказывался о супружеской жизни Кристи более открыто. В его интерпретации А. Кристи демонстрировала в браке виктимное поведение и провоцировала

¹ Отметим, что в год начала Первой мировой войны Арчибалду Кристи исполнилось 25 лет, и по меркам прошлого века он не был юнцом.

психологическое насилие со стороны супруга, поскольку «не считала разлад и непонимание помехами в семейной жизни, так как именно они свидетельствовали о взаимной любви супругов, а также о том, что страдание женщины – это основа более яркого и благородного проявления любви» [Кейд, 2012, с. 49]. Биограф подчеркивал, что истинной причиной распада первого брака писательницы стала не измена мужа, а конфликты на почве успешности и растущей финансовой независимости жены: «Если в начале карьеры Агаты Арчи подбивал ее писать ради денег, то сейчас оказываемое ей внимание стало его раздражать. Он постоянно обрывал ее попытки побеседовать с ним грубыми репликами: “Ты что, нанялась безостановочно болтать?” Агату буквально трясло от такого отношения, но она старалась не подавать виду. Однако, когда он стал критиковать ее работы, она была попросту потрясена и в ответ стала проявлять высокомерие при обсуждении финансовых вопросов: деньги, которые она зарабатывает, ее, и только ее – об этом факте она никогда не переставала напоминать Арчи» [Кейд, 2012, с. 51].

Дж. Кейд не скрывал, что Арчибалд позволял себе унижать жену, упрекая ее в утрате физической привлекательности: «Другим фактором, в значительной мере поспособствовавшим крушению их брака, была борьба Агаты с полнотой, начавшаяся сразу после рождения Розалинд. Арчи видел, как юная стройная девушка, на которой он женился, превращается в говорливую матрону, похожую на его мамашу, эмоциональную невоздержанность которой он предпочитал не замечать. Арчи постоянно просил Агату сбросить вес, но сделать этого она не могла, а потому ее фигура стала постоянной мишенью его язвительных и жестоких шуток» [Кейд, 2012, с. 60]. Отметим, что ответственность за эти эпизоды психологического насилия биограф возлагал именно на жену, которая перестала соответствовать ожиданиям мужа.

Л. Томпсон, автор книги «Агата Кристи. Английская тайна», написанной не только на основе эгодокументов, но и художественных текстов А. Кристи (особенно не принадлежащих к криминальному жанру и печатавшихся под псевдонимом Мэри Уэстмакотт), проявляла больший интерес к личности Арчибалда и не отрицала наличия посттравматического стрессового расстройства, однако считала, что его неуравновешенность связана не только с военным опытом: «Его нервы были обнажены, как свежие раны. В роду Кристи никто не отличался надежным душевным здоровьем <...> Мужественная внешность Арчи, его обаяние и предель-

ный самоконтроль позволяли ему скрывать свою уязвимость. Но это дорого ему стоило. <...> Агата прекрасно отдавала себе отчет в слабости мужа – и даже находила ее неотразимо привлекательной, но теперь она больше всего желала, чтобы эта слабость не выходила наружу. Она страшилась его подавленности, потому что он очень плохо справлялся с нею – почти как маленький мальчик, который капризно требует, чтобы все вмиг стало хорошо» [Томпсон, 2010, с. 204].

По версии Л. Томпсон, А. Кристи находилась в созависимых отношениях с супругом: «Ее любовь к Арчи была любовью женщины к мужчине, она любила его страстно, порой до отчаяния; как бы ни скрадывала ее эмоции внешность дамы средних лет, чувства не угасали, продолжая жечь ее изнутри» [Томпсон, 2010, с. 220], но рождение ребенка, которого Арчибальд воспринял как соперника, положило начало охлаждению чувств супруга, а успешная литературная деятельность и растущая финансовая независимость А. Кристи также этому способствовали. Неоднократно апеллируя как к прозаическим, так и к поэтическим опытам писательницы, Л. Томпсон утверждает, что в период развода А.Кристи «начинала подозревать, что муж ее ненавидит, хочет, чтобы она умерла. В конце концов, в ее книгах это случается сплошь и рядом: мужья убивают своих жен» [Томпсон, 2010, с. 256]. Таким образом, в этой романизированной биографии с Арчибальда Кристи снимается прямая вина за эпизоды семейного насилия: он сам становится жертвой наследственности, посттравматического стрессового расстройства, нормативных и ненормативных семейных кризисов, усугубленных неожиданной успешностью супруги.

Схожая по принципам подхода к материалу (биографический анализ художественных произведений и постоянные отсылки к «Автобиографии») книга отечественного историка Е.Н. Цимбаевой «Агата Кристи», опубликованная в серии «ЖЗЛ», рассматривает отношения супругов Кристи как типичный брак англичан среднего класса, чья система ценностей сформировалась в позднюю Викторианскую эпоху: «Двенадцать лет с момента их первой встречи он привык быть лидером в их паре. Он думал, принимал решения, действовал, содержал семью, поднимался по ступеням социальной лестницы. А она всегда подчинялась, признавала его правым, принимала его точку зрения и образ жизни, всегда была рядом именно такой, какой положено быть настоящей жене и леди» [Цимбаева, 2013, с. 159]. Аккуратно умалчивая о семейных конфликтах и избегая сплетен, автор биографии считает Арчи-

бальда среднестатистическим патриархатным мужчиной, не сумевшим пережить жизненный и финансовый успех жены и ушедшим из семьи ради женщины, которая вместе с собственной молодостью принесла ему ощущение значимости: «Он не терпел находиться на заднем плане в семье, ревновал даже к нерожденному сыну; он терял уважение к себе, если мало зарабатывал. Что ему было делать в ситуации, в которой он вдруг очутился, оказавшись в роли второй скрипки? Спасая свое мужское достоинство, он просто неизбежно должен был оставить женщину, нанесшую ему внезапный и неожиданный удар!» [Цимбаева, 2013, с. 160].

Опубликованная в 2022 г. книга «Агата Кристи: свидетель обвинения», написанная переводчиком и литературоведом А.Я. Ливергантом и почему-то названная «первой русской биографией», отличается легким слогом, но не фактической или концептуальной новизной: супружеская жизнь Кристи была вполне счастливой, пока жена не стала известной и хорошо оплачиваемой писательницей. Первоначально Арчибальд планировал использовать таланты супруги для пополнения семейного бюджета: «...еще дороже стоила похвала мужа, который раньше к писаниям Агаты относился совершенно безучастно. Но тут – как видно, сообразив, что, если жена будет печататься и впредь, можно будет неплохо заработать, – в один прекрасный день, это было уже летом 1921 года, вдруг заявил: “А почему бы тебе в самом деле не написать еще одну книжку?” И применил шантаж: “Мой ангел, ты же хочешь сохранить Эшфилд!”» [Ливергант, 2023, с. 66]. Показательно, что биограф, никак не комментирующий эту ситуацию, определяет поведение Арчибальда как шантаж, то есть типичный для тирана способ психологического насилия в отношении своей жертвы. А.Я. Ливергант, не заостряя внимания на супружеских конфликтах, сводит ситуацию к уязвленному мужскому самолюбию: «Арчи завидует Агате, ревнует жену к ее немалым заработкам, к ее успехам, вполне уже осозаемым. Что ж, ему и в самом деле нечего ей противопоставить, разве что победы на поле для гольфа, где он проводит всё свободное время» [Ливергант, 2023, с. 85].

Проанализировав оценки супружеской жизни А. Кристи и личности ее первого мужа по ее собственным свидетельствам и биографиям писательницы, основанным на эгодокументах и ее художественных произведениях, приходим к выводу о том, что сама она не осознавала в полной мере тиранический характер Арчибальда и пыталась нормализовывать его поведение, в то время как окружающие либо не знали о происходящем, либо не считали

эпизоды психологического и экономического насилия, а также попыток социальной изоляции выходящими за рамки нормы для супружеских отношений англичан среднего класса в 20-е годы XX в. Биографы (если они вообще считали нужным заострять внимание на этой теме) объясняли эпизоды насилия со стороны Арчибалда Кристи наследственностью (Л. Томпсон), посттравматическим стрессовым расстройством (Дж. Морган, Л. Томпсон), виктимным поведением и провокациями со стороны самой А. Кристи (Дж. Кейд), уязвленным самолюбием патриархатного мужчины, жертвы мужской гендерной социализации поздневикторианской эпохи (Е.Н. Цимбаева).

Супружеская тирания в детективных романах А. Кристи 1930-х годов

К художественному осмыслению домашнего насилия и личности мужа-тирана в детективном творчестве А. Кристи впервые обращается в 1930 г. (роман «Убийство в доме викария»). В основе сюжета лежит убийство полковника Протеро, церковного старосты, совершенное его женой под влиянием любовника. Жертва не вызывает симпатии ни у кого из героев произведения: на первой же странице романа рассказчик, деревенский викарий, в сердцах восклицает, что «тот, кто убьет полковника Протеро, поистине благодетельствует мир» [Кристи, 1996, с. 425]. Из характеристик других персонажей романа («Надугый старый грубиян» [Кристи, 1996, с. 427], «Протеро повсюду бахвалится, затевает скандалы, скуп как чёрт, а характер у него отвратительный, хуже некуда» [Кристи, 1996, с. 457], «человек недалекий... Из тех упрямцев, которые если что заберут себе в голову, то ничем от этого не отступятся» [Кристи, 1996, с. 439–440], и единственной сцены, в которой появляется сам Протеро (беседа с викарием об осужденных полковником браконьерах), становится ясно, что убитый был малоприятным человеком, вызывавшим общую антипатию. Семейная жизнь полковника складывается довольно драматично: первая жена от него сбежала, оставив малолетнюю дочь на попечение мужа, второй брак, заключенный за пять лет до начала событий в романе, тоже оказался несчастливый.

Характер домашнего насилия в отношении первой и второй жен не определен однозначно. Летиция (дочь полковника) предполагает экономическое насилие в отношении своей матери («пусть не жадничает, как последний скряга. Неудивительно, что мама от

него ушла» [Кристи, 1996, с. 434]), но сама миссис Лестрэндж (под этим именем выступает в романе первая миссис Протеро) ничего об отношениях с первым мужем не рассказывает. Из слов Летиции можно сделать вывод о жестокости ее отца и его психологическом насилии в отношении уже бывшей жены («Она тогда пошла к отцу, сказала, что умирает и очень хочет меня повидать. А отец вел себя как скотина. Сказал, что она потеряла все родительские права и что я думаю, будто она умерла» [Кристи, 1996, с. 648]).

Характер насилия в отношении второй супруги еще менее понятен, поскольку Анна не проговаривает свои семейные проблемы, ограничиваясь эмоциональной оценкой ситуации. Из монолога, обращенного к викарию, очевидно, что ее супруг является тираном: «Я так несчастна. О, я бесконечно несчастна! Я так больше жить не могу. Просто не могу! И я не знаю, что мне делать. – Голос ее зазвенел, словно она боролась с истерикой. – Вы себе не представляете, как я живу. С Люциусом я была несчастна с самого начала. Ни одна женщина не может быть счастливой с таким человеком. Я хочу, чтобы он умер... Это ужасно, но я желаю ему смерти... Я в полном отчаянии... Говорю вам, я готова на всё...» [Кристи, 1996, с. 448].

Ограничивается ли полковник Протеро лишь экономическим и психологическим насилием (в чем можно быть практически уверенным, исходя из его поведения в отношении других членов семьи и репутации в деревне Сент-Мэри-Мид), не понятно.

Над причинами такого поведения ни другие персонажи, ни нарратор, ни, видимо, сама А. Кристи не рефлексируют. В романе нет никакой информации о семье и детстве полковника Протеро, его участии в боевых действиях (что теоретически вполне вероятно, поскольку молодость его должна была прийтись на период Первой мировой войны). Поведение домашнего тирана подается как данность, причем единственным виновником домашнего насилия общественное мнение считает самого полковника Протеро, не возлагая вину на жен. Показательно, что окружающие (все семейство викария, мисс Марпл, Летиция, дочь полковника) единодушно осуждают его поведение, но не считают нужным оказать какую-то поддержку жертве или способствовать тому, что тиран осознал, что он совершает насилие. Викарий Клемент, нарратор в произведении, пытается использовать свой авторитет духовного лица лишь для того, чтобы вынудить Анну Протеро расстаться с любовником и сохранить брак, хотя и понимает, что причина кризиса в семье его прихожан – это не измена жены, но тирания мужа. («Я

говорил то, что мне подсказывал долг, и пытался произносить эти слова убедительно, но всё время чувствовал, что моя совесть нечиста: я же сам этим утром объявил своим домашним, что мир станет лучше без полковника Протеро» [Кристи, 1996, с. 448].) А. Кристи поднимает тему домашнего насилия, показывая, что общество признает существование этой проблемы, но жертва оказывается лишена какой бы то ни было поддержки, как со стороны окружающих людей, так и социальных институтов (церкви), которые осуждают того, кто совершает насилие, но еще сильнее осуждают попытки жертвы изменить ситуацию, поскольку эти попытки предполагают развод. Это неразрешимое противоречие приводит к тому, что насильник и его жертва меняются местами, а их история становится отличным сюжетом для криминального романа, который А. Кристи используется еще не раз.

В романе «Смерть лорда Эдвера» (1933), в котором жена убивает мужа, чтобы вступить в новый брак, А. Кристи позволяет себе более ярко очертить характер домашнего тирана. Заглавный герой и его история практически идентичны судьбе полковника Протеро: он уже не молод («высокий человек лет пятидесяти с темными волосами, кое-где тронутыми сединой») [Кристи, 1990, с. 260], первая жена сбежала от него, оставив трехмесячную дочь. Спустя много лет лорд Эдвер женился вторично на женщине много моложе себя, но и вторая жена, американская актриса Джейн Уилкинсон, ушла, не прожив с мужем даже года, и теперь требует развода. Репутация «богатого, но несколько эксцентричного лорда Эдвера» [Кристи, 1990, с. 245], которого в свете называют «странным человеком» [Кристи, 1990, с. 340], складывается на основе его интереса к коллекционированию предметов искусства, которые, как следует из контекста, связаны с насилием и смертью («Мне понравилась одна статуэтка. По-своему замечательная работа, хотя многие, наверное, найдут тему чересчур мрачной. Но мне такие всегда нравились. У меня вообще своеобразный вкус» [Кристи, 1990, с. 273]).

Из свидетельств домочадцев лорда Эдвера очевидно, что он был семейным тираном, терроризировавшим единственную дочь Джеральдину, чтобы, как предполагала секретарша мисс Кэрролл, «отыграться на девочке за ее мать... за свою первую жену» [Кристи, 1990, с. 360]. Сама Джеральдина вспоминает «его жуткие выходы, его приступы ярости» [Кристи, 1990, с. 328], которые, вероятно, имели место и в отношении обеих жен. И, хотя на момент

начала действия в романе лорд Эдвер не поддерживает никаких отношений со второй женой, из ее рассказов становится очевидно, что причиной разрыва стало насилие со стороны мужа. Джейн Уилкинсон считает, что нормальная семейная жизнь с ним была априори невозможна: «Ему вообще не надо было никогда жениться. Я знаю, что говорю. Я не могу объяснить все, как следует, но он... странный» [Кристи, 1990, с. 255].

Коллекционер-аристократ весьма изощренно мстил бывшей жене: он психологически издевался над ней даже после ее ухода (более года Джейн Уилкинсон через адвокатов тщетно просила его согласиться на развод), не скрывая, что целью его была месть (нежелание отдать жене хотя бы пенни из своего состояния и попытка воспрепятствовать ее новому браку с состоятельным мужчиной). Однако из намеков Джейн Уилкинсон, наблюдений капитана Гастингса, нарратора в романе, и сведений, полученных инспектором Джеппом, официально ведущим расследование, можно предположить, что в супружеской жизни лорда и леди Эдвер имело место и сексуальное насилие («Я рассматривал книги на ближних полках. Здесь были “Мемуары Казановы”, том сочинений маркиза де Сада, книга о средневековых пытках. Я вспомнил, как Джейн Уилкинсон передернула плечами, когда говорила о своем муже» [Кристи, 1990, с. 272]), а сам супруг, кроме того, проявлял интерес к нетрадиционным сексуальным практикам (привлекший внимание Гастингса женственно-красивый дворецкий, который, как выяснил Джепп, «связан с парочкой ночных клубов. Не тех, что обычно конфликтуют с законом, а более непристойных, гадких. Этот парень – мерзкий тип» [Кристи, 1990, с. 361]. Реплика Гастингса о приступах агрессии у лорда Эдвера дает право предположить и возможность эпизодов физического насилия: «Его улыбка трансформировалась в чудовищную гримасу: зубы были оскалены, глаза горели яростью, почти безумным бешенством. Теперь я понял, почему лорда Эдвера покинули обе жены» [Кристи, 1990, с. 275]. Туманные намеки Джейн Уилкинсон («Если бы вы знали о лорде Эдвере то, что знаю о нем я, вы бы поняли, что общество ничего без него не потеряет. Скорее, наоборот» [Кристи, 1990, с. 257]) на опасность ее мужа для общества завершают его образ. Отметим, что в этом романе А. Кристи добавляет к образу домашнего тирана более скандальные подозрения в сексуальном и физическом насилии, но избегает открытых обвинений, подавая их как предположения, догадки, намеки и субъективные выводы персонажей (Гастингса, Джеппа, Джейн Уилкинсон). Домашнее насилие

в романе затрагивает уже не только представителей среднего класса, но и аристократию, причем ни богатство, ни социальный статус не становятся препятствием для формирования тиранической личности (о каких-либо психологических травмах лорда Эдвера, сформировавших его личность, в романе не сообщается). Общественное мнение считает лорда Эдвера как минимум не вполне респектабельным, и желание Джейн получить развод по причине домашнего насилия не осуждается, а даже поддерживается: сам Эркюль Пуаро соглашается стать доверенным лицом жены на переговорах с мужем (хотя по ходу развития сюжета становится понятно, что американская актриса уже добилась согласия на развод, очевидно действуя путем шантажа и угроз предать огласке какие-то обстоятельства ее семейной жизни с лордом Эдвером).

Сравнивая два произведения на один сюжет (жена убивает мужа-тирана, чтобы вступить в новый брак), мы видим, что за три года, которые разделяют публикацию романов «Убийство в доме викария» и «Смерть лорда Эдвера», А. Кристи становится несколько смелее в изображении домашнего насилия, позволяя себе намеки на скандальные подробности жизни аристократии (сексуальное и физическое насилие в отношении жен). Можно также отметить некоторые сдвиги в общественном восприятии домашнего насилия: оно становится социально одобряемым поводом для развода. Личность мужа тирана по-прежнему не становится предметом психологического анализа: и полковник Протеро, и лорд Эдвер предстают перед читателем сформировавшимися личностями, вся ответственность за домашнее насилие возлагается только на них.

В 1936 г. А. Кристи вновь исследует тему домашнего насилия в романе «Убийство в Месопотамии», в котором домашний тиран – археолог Эрик Лайднер становится уже не эпизодическим персонажем, а одним из главных героев произведения. Кроме того, муж-тиран выступает теперь не в образе жертвы, наказанной за свои преступления, а в образе преступника. Доктор Лайднер умело манипулирует не только женой, но и общественным мнением, в глазах которого он – идеальный муж, заботящийся о здоровье жены, страдающей от тревожности и нервного расстройства. Ни профессиональный врач Джайлс Райли, уверенный, что Лайднер «души не чаёт в своей жене» [Кристи, 1995, с. 405], ни профессиональная сиделка Эми Ледерен, по мнению которой в руководителе археологической экспедиции «чувствовалась мягкость, неуверенность... и даже некоторая беспомощность» [Кристи, 1995,

с. 406], не говоря уже о других персонажах произведения, не подозревают, что имеют дело с тираном и психопатом. Более того, даже разоблачение убийцы не заставило Эми Ледерен, нарратора в этом романе, изменить свое мнение об Эрике Лайднере: «И доктора Лайднера тоже ужасно жаль. Знаю, что он совершил два убийства, но ничего не могу с собой поделать. Он так отчаянно любил ее» [Кристи, 1995, с. 604].

Особенность домашнего насилия в супружеской паре Лайднер состоит в том, что психологическое насилие (о сексуальном и экономическом речи в романе не идет, физическое насилие имело место только в сцене убийства, когда Лайднер хладнокровно опустил на голову жены каменную ступку) в формах stalking и газлайтинга используется для тотального контроля жены, а также для того, чтобы создать ей репутацию психически нестабильной женщины. Эрик Лайднер пишет жене анонимные письма с угрозами, имитируя ее собственный почерк; пугает ее, показывая маску в окне, чтобы убедить в том, что она видит лицо своего первого мужа. В результате окружающие воспринимают Луизу как истероидную личность, пытающуюся любой ценой оставаться в центре внимания (доктор Райли и его дочь Шейла), или предполагают, что она наркоманка (Эми Ледерен), в то время как сама несчастная женщина считает, что ее хотят убить за то, что она изменила памяти первого мужа и вступила во второй брак.

На самом же деле, и первый и второй муж Луизы – это один и тот же человек. Эрик Лайднер наслаждается психологическим контролем над своей жертвой. Домашний тиран проявляет незаурядные актерские способности (что типично для психопата), благодаря которым не только окружающие, но и даже сама жертва не подозревает в нем преступника («С Эриком я чувствовала себя в безопасности» [Кристи, 1995, с. 453], – признается она своей сиделке). Причины такого поведения Эрика Лайднера непонятны. Воспоминания Луизы о личности первого мужа довольно смутные («Я всегда чувствовала, что, несмотря на свою мягкость, он может быть чудовищно безжалостен» [Кристи, 1995, с. 453]), но его поведение в зрелом возрасте может объясняться психопатией, для которой характерны отсутствие эмпатии, стремление манипулировать окружающими и неспособность к раскаянию. Непосредственным мотивом для убийства стала супружеская измена жены, которая могла привести к тому, что Луиза ускользнет из его власти: для тирана мысль о том, что он во второй раз потеряет жену, была невыносима.

Предлагаемый в этом романе сюжет является не самым удачным с точки зрения логики и правдоподобия (и нетипичен для криминального творчества А. Кристи, предпочитавшей более рациональные мотивы преступлений), но чрезвычайно многообещающ с точки зрения сохранения интриги: убийца находится вне подозрений, поскольку ведет двойную жизнь, и у него отсутствует явный мотив для совершения преступления. Как и в более ранних романах, А. Кристи не пытается объяснить причины формирования личности мужа-тирана, ограничиваясь констатацией факта существования подобных личностей, которые в отличие от реальной жизни получали в ее творчестве возмездие за домашнее насилие: их либо убивала жена, либо карало правосудие за убийство жены.

Проанализировав криминальные романы А. Кристи 1930-х годов, сюжет которых выстраивается вокруг проблемы супружеского насилия, мы приходим к следующим выводам:

Изображение мужа-тирана в ее криминальных текстах этого периода – элемент автобиографизма и попытка осмысления проблем ее первого брака, который распался, в том числе, по причинам психологического и экономического насилия в отношении жены.

Биографы писательницы считают, что домашнее насилие Арчибальда Кристи в отношении первой жены объяснялось нарциссическим складом его личности, особенностями викторианской мужской гендерной социализации и посттравматическим стрессовым расстройством в результате участия в Первой мировой войне, однако в своих романах А. Кристи не пыталась объяснить причины формирования личностей мужей-тиранов, ограничившись констатацией факта существования данной проблемы.

Мужья-тираны в криминальных романах А. Кристи всегда описываются как люди среднего возраста (40–50 лет), социально успешные, не имеющие выраженных зависимостей, экономических и бытовых проблем. В их образах можно выделить некоторые черты, которые в психологии ассоциируются с высокой вероятности насилия в отношении жены: традиционализм в определении гендерных ролей; уверенность, что женщина готова принять роль

жертвы и лишена возможности прекратить отношения; ярко выраженное желание причинять вред другому человеку; психопатия¹.

В интерпретации А. Кристи ответственность за совершение домашнего насилия полностью возлагается на мужей-тиранов, осуществляющих его в течение всей семейной жизни несмотря на общественное осуждение, в том числе и при вступлении в новый брак.

Писательница отмечала сочетание разных видов насилия, практикуемого мужьями-тиранами, признавала существование сексуального насилия в браке в высших слоях общества.

Изображение домашнего насилия в произведениях А. Кристи проходит некоторую эволюцию: с каждым следующим романом писательница более подробно описывала личность мужа-тирана, растущее восприятие подобного поведения как повода для расторжения брака, но вместе с тем вынуждена была констатировать отсутствие поддержки жертв насилия, как со стороны окружающих, так и социальных институтов.

Список литературы

1. *Бобрышов С.В., Ивакина В.В.* Конфликты в сфере семейных отношений: социально-психологический аспект : учебное пособие. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2017. – 194 с.
2. *Гвоздева А.В.* Лингвокультурный образ детектива : дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2009. – 188 с.
3. Домашнее насилие: социально-правовой аспект : методическое пособие / под ред. Е.Н. Ермовой. – Москва : Консорциум женских неправительственных объединений, 2013. – 194 с.
4. *Ерусланова Р.И., Милухин К.В.* Насилие в семье : учебное пособие. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. – 208 с.
5. *Кейд Дж.* Агата Кристи. 11 дней отсутствия. – Москва : РИПОЛ Классик, 2012. – 330 с.
6. *Кириленко Н.Н.* Классический детектив как жанр криминальной литературы (инвариант и генезис). – Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. – 246 с.
7. *Кристи А.* Автобиография / пер. с англ. В. Чемберджи, И. Дорониной. – Москва : Артикул-Принт, 2003. – 664 с.
8. *Кристи А.* Смерть лорда Эдвера / пер. с англ. И. Матвеева // Кристи А. Месть Нофрет. – Минск : Университетское, 1990. – С. 241–433.

¹ Данные факторы определяют агрессивное поведение мужчины по отношению к жене – см. [Фурманов, 2016].

***Till Death Us Do Part : домашнее насилие и мужа-тираны
в криминальных романах А. Кристи 1930-х годов***

9. *Кристи А.* Убийство в доме викария / пер. с англ. М. Ковалевой // Кристи А. Тайна «Голубого экспресса». Тайна семи циферблатов. Убийство в доме викария. – Москва : Артикул, 1996. – С. 425–651.
10. *Кристи А.* Убийство в Месопотамии / пер. с англ. И. Шевченко // Кристи А. Смерть в облаках. Убийства по алфавиту. Убийство в Месопотамии. Невероятная кража. Родосский треугольник. – Москва : Артикул, 1995. – С. 397–604.
11. *Леммиш В.В.* Системный анализ феномена домашнего насилия в отношении женщин // Системная психология и социология. – 2024. – № 4 (52). – С. 104–115.
12. *Ливергант А.Я.* Агата Кристи: свидетель обвинения. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. – 285 с.
13. *Морган Дж.* Жизнь Дамы Агаты / пер. с англ. Е. Цевкиной. – Москва : Артикул-Принт, 2002. – 394 с.
14. *Мэкс А.М.* Социальные условия насилия в семейном поведении (анализ насилия в американской семье) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Москва, 2003. – 28 с.
15. *Томпсон Л.* Агата Кристи: английская тайна. – Москва : АСТ, 2010. – 608 с.
16. *Фурманов И.А.* Социальная психология агрессии и насилия. – Минск : БГУ, 2016. – 392 с.
17. *Цимбаева Е.Н.* Агата Кристи. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 352 с.
18. *Cawelti J.G.* Adventure, mystery, and romances: formula stories in art and popular culture. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1976. – 336 p.
19. *Devereux D.M.* Through the magnifying glass: exploring British society in the Golden Age detective fiction of Agatha Christie and Ngaio Marsh : Master of Arts thesis. – University of Canterbury, 2012. – 126 p.
20. *Hill R.* Families under stress: adjustment to the crises of war separation and reunion / with chapters in collaboration with E. Boulding ; assisted by L. Dunigan and R.A. Elder. – New York : Harper, 1949. – 453 p.
21. *Krouse A.N., Peters M.* Why women kill // Journal of communication. – 1975. – Vol. 25, Issue 2. – P. 98–104.
22. *Maida P.D., Spornick N.B.* Murder she wrote: a study of Agatha Christie's Detective Fiction. – Bowling Green, Ohio : Bowling Green State univ. popular press, 1982. – 206 p.
23. *Makinen M.* Agatha Christie: investigating femininity. – New York : Palgrave Macmillan, 2006. – 205 p.
24. *Prideaux D.* Sleuthing miss Marple: gender, genre and agency in Agatha Christie's crime fiction. – Liverpool : Liverpool univ. press, 2022. – 232 p.
25. *Satir V.* Peoplemaking. – Palo Alto, Calif. : Science and Behavior Books, 1972. – 328 p.
26. *Stern R.* The gaslight effect: how to spot and survive the hidden manipulation others use to control your life. – New York : Morgan Road Books, 2007. – XVII, 269 p.
27. *Vipond M.* Agatha Christie's women // International fiction review. – 1981. – Vol. 8, N 2. – P. 119–123.
28. *Whitney S.* A hidden body in the library: Mary Westmacott, Agatha Christie, and emotional violence // Clues: a journal of detection. – 2011. – Vol. 29, N 1. – P. 37–50..